

ПАРИЖСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ ВОСТОКОВЕДА СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

Статья посвящена жизни и научно-педагогической деятельности япониста С. Г. Елисеева во Франции в 1921–1934 гг. после его вынужденного отъезда из Советской России. Автор основывается на документальных материалах, обнаруженных им в архивохранилищах и музеях Парижа. Привлекаются также сведения родственников С. Г. Елисеева. Интерпретация никому не известных документов позволяет по-иному представить первые годы жизни С. Г. Елисеева как эмигранта, показать его реальное положение в научном и музейном мире Франции, сложности его вхождения в новую среду.

Ключевые слова: С. Г. Елисеев, русская эмиграция во Франции, архивы, японистика.

Русский ученый-японист Сергей Григорьевич Елисеев в сентябре 1920 г. тайно покинул Советскую Россию, опасаясь преследований со стороны властей. Через Финляндию и Швецию Елисеевы перебрались во Францию, где Сергей Григорьевич провел в общей сложности более 30 лет. Вторую половину жизни С. Г. Елисеев был гражданином Франции, которая стала его второй родиной.

Семья Елисеевых сначала поселилась в северо-западном пригороде Парижа – местечке Нейи-сюр-Сен (Neuilly sur Seine) по адресу avenue sur Seine, 61, затем на rue Paul Derouledi, 5. Случайно или нет, но Елисеевы оказались именно в Нейи-сюр-Сен, где в начале XX в. находилось французское имение Г. Г. Елисеева, отца Сергея Григорьевича, представителя замечательной купеческой династии. В Нейи-сюр-Сен юный Сергей Елисеев бывал, по-видимому, неоднократно, во всяком случае, во время посещения Всемирной выставки в Париже в 1900 г., на которую он приезжал вместе с отцом. Сейчас на месте елисеевского имения находится Американский госпиталь Парижа.

Вероятно, в начале 1921 г. С. Г. Елисеев с семьей получил так называемый «нансеновский паспорт», который выдавался Лигой наций политическим эмигрантам или апатридам. Но французского гражданства семье пришлось ожидать еще долгих 10 лет. Только в 1931 г. Елисеевы стали гражданами Франции, и именно с того момента изменилось написание фамилии: вместо Serge Elis(s)èèv появился Serge Elissèeff.

Одиннадцатого мая 1921 г. Сергей Григорьевич с семьей переселился в собственно Париж, где за два года они сменили несколько квартир. Наконец, вероятно, в декабре 1922 г.¹ семья Елисеевых навсегда обосновалась на бульваре Перер, 75 в 17-м, тогда довольно непрезентабельном, недорогом районе города².

Так сложилось, что именно во Франции С. Г. Елисеев реализовался как ученый более всего. Нигде и никогда у него не было столько публикаций: две научные монографии, множество статей и переводов художественных произведений современных японских авторов. Он участвовал в серьезных научных проектах «Языки мира» [Elisèèv, 1924], «Азиатская мифология» [Elisèèv, 1928]. Круг его научных интересов был обширен. Елисеев занимался историей дальневосточного искусства, изучением японской живописи, театра и музыки, исследовани-

¹ В. С. Елисеев, младший сын С. Г. Елисеева, в своих воспоминаниях приводит неправильную дату – 10 ноября 1922 г.

² Письмо С. Г. Елисеева Ф. И. Щербатскому от 19 ноября 1922 г. (СПб Ф АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 94).

ем языка, литературы и истории Японии. Однако продвижения по служебной лестнице в серьезных учебных заведениях у него не получилось: места уже были заняты другими людьми, явно уступавшими ему в своих возможностях.

Париж 1920-х гг. был мировым центром дальневосточных исследований, прежде всего, признанным синологическим центром. В это время в Париже работали П. Пельо и А. Масперо – ученики выдающегося ученого Э. Шаванна, профессор Школы живых восточных языков А. Виссьер (Vissiere). Но с японистикой дела обстояли по-другому. Французская японистика имела к тому времени более длительную традицию, нежели российская, но направленность ее в основном была практической, страноведческой. Дипломаты, достаточно хорошо владевшие японским языком – Ш. Агенауэр, Бонмаршан, тем не менее не имели навыков преподавания, а тем более – научной работы³. Преподаватели японского (например, профессор Школы живых восточных языков Дотрмер [Dautremer]) не занимались изучением языка с научной точки зрения.

Молодой русский японист Сергей Елисеев, напротив, был подготовленным ученым. За плечами у него было несколько лет преподавания в Петроградском университете, где с помощью коллег-востоковедов он быстро устранил небольшие пробелы в своем токийском образовании. Стремясь к совершенствованию, в Париже Елисеев некоторое время посещал лекции П. Пельо и С. Леви. С точки зрения своей квалификации он имел все возможности, чтобы быстро занять ведущие позиции во французском востоковедении и способствовать формированию научного японоведения. Так со временем и произошло, но адаптация ученого, его вхождение в преподавательскую среду были нелегкими. Профессиональные востоковеды (С. Леви, П. Пельо и др.) радушно встретили своего коллегу и всячески старались ему помочь, но общая обстановка для Елисеева как для эмигранта была неблагоприятна.

Случайная встреча с японским дипломатом Х. Асида (в 1948 г. – премьер-министр Японии), знакомым С. Елисеева по учебе в Японии, помогла ему получить место переводчика в Японском посольстве в Париже. Вероятно, оно и приносило С. Елисееву основной и стабильный доход.

В 1921 г. он начинает работать в музее искусства Дальнего Востока Гимэ. Работа, скорее всего, носящая характер временных поручений руководства музея, состояла в инвентаризации и каталогизации книг на японском и китайском языках. Это подтверждается документально⁴:

«25 ноября 1923.

Хранитель музея Гимэ – господину министру народного просвещения и изящных искусств.

...Также прошу Вас разрешить мне использовать господина Сержа Елисеева, бывшего профессора университета в Петрограде, для инвентаризации и каталогизации японских буддистских книг, подаренных музеем Гимэ Shun Ohsumi. Для компенсации расходов господина Елисеева будет необходим кредит в 750 франков (7,50 франков за час)».

Вероятно, Сергей Григорьевич также читал в музее какие-то лекции, потому что в журнале «Восток» за 1923 г. встречаем: «...Как лектор он известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором» [Алексеев, 1923. С. 131]. Проработав в музее Гимэ более 10 лет, С. Елисеев так и не добился там высокого положения.

Службу в Школе живых восточных языков (современная аббревиатура INALCO⁵) Елисеев начал в 1923 г. с приема экзаменов по японскому языку у студентов. С 1926 г. он читает лекции по японской филологии, но не в основной сетке (там японский язык вели репетитор г-н Наито (Naito) и профессор г-н Дотрмер), а на свободных курсах, видимо, доступных всем желающим. Согласно списку преподавателей различных языков на этих курсах, С. Елисеев

³ По мнению В. С. Елисеева, Париж был выбран местом эмиграции семьи также и по этой причине. С. Г. Елисеев справедливо надеялся на фоне известных синологов занять место «первого япониста».

⁴ «25 Novembre 1923. Le conservateur du Musee Guimet à Monsieur le Ministre de l'Instruction publique et des beaux-arts. <...> Je vous demande également de m'autoriser à employer M. Serge Elisseev, ancien Professeur à l'Université du PETROGRAD pour inventorier et cataloguer les livres bouddhiques japonais donnés au Musee Guimet par SHUN OHSUMI. Un credit de 750 francs (100 heures à 7, 50) serait nécessaire pour indemniser M. Elisseev» (Архив музея Гимэ: Correspondance administrative. 1907–1925. № 151).

⁵ Institut national des Langues et Civilisations Orientales – Национальный институт восточных языков и цивилизаций.

читал лекции по японской филологии, наряду с выдающимися российскими учеными-востоковедами В. Минорским (персидская филология) и Н. Марром (грузинский язык). Такие списки относятся к 1926/1927, 1927/1928 и 1928/1929 учебным годам⁶. Эти сведения подтверждаются данными нескольких сохранившихся афиш, содержащих программу свободных бесплатных курсов⁷.

В 1932 г. высокий профессионал С. Елисеев проиграл выборы на Японской кафедре Ш. Агенауэру, только что вернувшемуся с дипломатической работы в Японии и не имевшему опыта преподавания. Ш. Агенауэр впоследствии стал известным ученым-лингвистом, но для этого ему пришлось пройти школу у того же Елисеева.

Сделать карьеру русскому ученому удалось лишь в Практической школе высших исследований (EPHE)⁸, где в 1930 г. он начал читать лекции о религиях Японии также на свободных курсах, замещая уехавшего преподавателя. Однако уже в 1932 г. С. Елисеев добился статуса ординарного профессора. Архивные материалы за 1932 г. утрачены, но вот собственное свидетельство С. Елисеева: «Весною 1932 г. неожиданно умер Alphondery, который читал средневековую философию на религиозном отделении École des Hautes Études. Sylvain Levy внес предложение переменить эту кафедру, сделав из нее кафедру “религий Японии” и затем предложил меня... я оказался выбранным “directeur d'études”, это равняется штатной ординатуре» [Дьяконова, 2000. С. 158].

В 1933–1934 гг. С. Елисеев преподавал историю китайской живописи в Школе Лувра.

В Париже акцент в исследованиях Сергея Григорьевича сместился с литературы (как это было в петроградский период) к дальневосточному искусству. Широта изучавшейся им проблематики была довольно большой: японская художественная культура, изобразительное и прикладное искусство, театр и музыка. Но крупных работ такого рода было написано немного. У Елисеева, более двадцати лет отдавшему преподаванию, вообще немного исследований монографического характера, в основном статьи. Среди работ по искусству, помимо его монографии по истории современной японской живописи – «Современная живопись в Японии» [Eliséèv, 1923], следует выделить обширную статью о дальневосточном портрете [Eliséèv, 1932], статьи о живописи школы Кано (XVI–XVII вв.) [Eliséèv, 1925a], о формировании жанра пейзажа в японской живописи в XV в. [Eliséèv, 1925b]. Его книга о театре Кабуки была прекрасно проиллюстрирована художником А. Яковлевым, широко известным в русских эмигрантских кругах в Париже. Рисунки настолько вошли в плоть книги, что А. Яковлев стал соавтором С. Елисеева [Eliséèv, Iacovleff, 1933].

С. Елисеев также отредактировал книгу Н. Пери по японской музыке «Essai sur les gammes» [Péri, 1934]. Интерес представляет и раздел о японской мифологии, написанный Сергеем Григорьевичем для сборника «Азиатская мифология» [Eliséèv, 1932]. Исследования С. Г. Елисеева в области искусства были обобщены в главах о Китае и Японии в книге по востоковедению многотомной «Всеобщей истории искусств» [Arts musulmans..., 1939].

Как крупный специалист в области японского искусства Серж Елисеев был приглашен к участию в проекте выставки современного японского искусства, прошедшей с 20 апреля по 30 июня 1922 г. в Салоне национального общества изящных искусств в Большом дворце (Grand palais). На выставке были представлены живопись, скульптура, прикладное искусство и предметы старины. Подготовка и работа экспозиции прошли на самом высоком уровне – под патронажем Р. Пуанкаре, президента Совета министров, и министра иностранных дел республики Франции, Л. Берара, министра народного просвещения и изящных искусств республики Франции, а также посла Японии во Франции виконта Исии. С. Елисеев как профессионал преуспел также в составлении каталога выставки [Шарье, 2000. С. 92–93]. Но, к сожалению, посвященная этому событию статья в парижской газете «Gazette des Beaux-Arts» никак не отразила участие С. Елисеева в организации выставки [Doin, 1922].

Зато в научных кругах Советской России об этой деятельности русского ученого-востоковеда стало известно благодаря небольшой заметке В. М. Алексева. Вот что тот пишет: «Как отличный знаток языка Японии и специалист по ее искусству, С[ергей] Г[ригорьевич] был, вероятно, в высшей степени полезным организатором и каталогизатором выставки, и надо надеяться, что ее каталог, чуть ли не впервые составленный лицом, соединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японоло-

⁶ Национальные архивы Франции. F 17 13611.

⁷ Там же. 62 AJ/69, 62 AJ/70.

⁸ École Pratique des Hautes Études.

гии» [Алексеев, 1923. С. 131]. Сам же Сергей Григорьевич в письме Ф. И. Щербатскому от 22 ноября 1922 г. пишет, что «весной и летом был занят по канцелярии японской выставки»⁹.

К открытию этой выставки была приурочена и упомянутая выше монография «Современная живопись в Японии». Японские организаторы выставки, зная Елисеева как тонкого знатока японской цивилизации и художественного критика, поручили ему представить научный обзор истории японской живописи, особенностей ее стилей и разнообразия. Они не ошиблись в своем выборе – ныне этот труд удостоивается высокой оценки специалистов. Искусствовед из Франции И. Шарье обращает внимание на то, что при написании книги Елисеев использовал свой японский опыт и эрудицию и отошел от общепринятой тогда на Западе концепции. Он рассматривал японское искусство в целом, изучая его именно в японском контексте, избегая обращения к европейским критериям. Его интерпретация лежит в том же русле, что и современные исследования японского искусства, безусловно, опирающиеся на более широкую документальную основу. В то время это было наиболее подробное за пределами Японии систематическое описание японской живописи периода XVI–XX вв. Это фундаментальное и уникальное исследование, сохраняющее актуальность до наших дней [Шарье, 2000. С. 99, 103–105].

В Советском Союзе, напротив, сразу же по выходе книги появилась разгромная рецензия на нее. Некто Р. Н. Ким [1923] обвиняет Елисеева в несерьезности и плохом знании методологии истории искусства. Очевидно, автор рецензии выполнил социальный заказ – дискредитировал ученого-востоковеда, покинувшего родину, в глазах советской научной общественности.

Еще не раз Сергей Григорьевич проявил себя как блестящий организатор и научный руководитель художественных выставок и симпозиумов. В 1928 г. С. Г. Елисеев участвовал в работе съезда по народному искусству в Праге, а в ноябре 1931 г. был организатором задуманной Шведско-японским обществом выставки японского искусства в Стокгольме. Хотя ученый и не участвовал сам в организации выставки уникального собрания китайской бронзы в Париже, он стал автором серьезной статьи «Revue des Arts Asiatiques» [Eliséèv, 1933].

Выводы, сделанные С. Елисеевым, позволили облегчить анализ изделий из бронзы. «Я старался показать смешанность мотивов в китайской орнаментике и возможность их классификации, которая вместе с другими данными должна облегчить датировку бронзовых ваз и сосудов. Можно, конечно, написать об этом целую книгу, я постарался только наметить наиважнейшее» [Дьяконова, 2000. С. 174].

Еще одним серьезным проектом, в котором участвовал С. Елисеев, было субсидируемое Японским посольством издание ежемесячного художественного журнала «Япония и Дальний Восток». Издание было предпринято С. Елисеевым совместно с французским востоковедом К. Мэтром (Maître) и просуществовало с декабря 1923 до осени 1924 г., когда К. Мэтр внезапно скончался. С. Г. Елисеев был издателем, редактором и переводчиком, представлявшим каждый месяц на суд читателя перевод современного японского рассказа. Часто это были первые в мире переводы японских авторов.

Известными лингвистами А. Мейе и М. Коэном Серж Елисеев был приглашен участвовать в престижном издании «Языки мира», для которого он написал очерки о японском, корейском, айнском и гиперборейских языках [Eliséèv, 1924]. Участие в качестве автора в таком престижном издании, ставившем своей целью дать энциклопедическое описание максимально большего числа языков мира, в том числе прежде малоизвестных, подтвердило славу С. Елисеева как крупного лингвиста широкого профиля [Решетов, 1995. С. 193].

Недолгое время Серж Елисеев руководил японским студенческим домом, но быстро отказался от этой работы, отнимавшей у него слишком много времени. С 1925 г. он служил офицером связи в Международном институте интеллектуальной кооперации при Лиге наций, принимая участие в международных конгрессах в качестве переводчика японской делегации.

По-видимому, в 1923 г. Сергей Григорьевич имел возможность перебраться в Японию: ему предлагали место лектора русского языка в Токийском университете¹⁰. По неизвестной причине он не принял этого предложения. Хотя известно, что отъезд в Японию долгое время входил в его планы. В письме С. Ф. Ольденбургу от 19 мая 1921 г. Елисеев пишет: «Надеюсь

⁹ СПб ФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 94.

¹⁰ Из письма М. Рамминга из Токио Ор. В. Плетнеру в Осака от 27 мая 1923 г.: «Елисеев, вероятно, скоро приедет в Японию: ему предложили место лектора русского языка в здешнем университете, и от такого предложения я не думаю, чтобы он мог отказаться (цит. по: [Ермакова, 2005. С. 242]).

уехать в Японию, так как в Париже почти нет японских книг и справочных пособий» [Хохлов, 2000. С. 240], а в письме Ф. И. Щербатскому от 19 ноября 1922 г. он говорит: «...я все еще собираюсь уехать в Японию»¹¹.

В начале 1920-х гг. С. Елисеев встречался в Париже со своим университетским товарищем, японистом Орестом Плетнером, который после закрытия в 1922 г. «старого», царского Русского посольства в Токио несколько лет провел в Европе. Известно, что «с осени 1923 г. Ор. Плетнер временно читал в Лондонском институте восточных знаний (School of oriental studies) курс японской филологии» [Алексеев, 1923. С. 132]. Много позднее в письме Н. И. Конраду Ор. В. Плетнер вспоминает, что когда-то давно ночевал у С. Елисеева в квартире на бульваре Перер¹².

Виделся он и с приезжавшим в Париж в 1920-е гг. коллегой по Азиатскому музею Ф. А. Розенбергом. Дарственная надпись на одной из книг С. Г. Елисеева подтверждает встречу двух востоковедов: «Дорогому Федору Александровичу Розенбергу на добрую память о нашей встрече в Париже в 192? г.». Однако дата плохо читается – либо 1921, либо 1927 г. Если допустить более позднюю дату, очевидно, Розенберг и привез в Петроград книгу рассказов японских писателей «Сад пионов» [Le jardin des pivoines, 1927] в переводе С. Г. Елисеева на французский язык, хранящуюся сейчас в библиотеке Института восточных рукописей РАН. Если событие относится к 1921 г., книга была подписана С. Елисеевым позже для передачи Ф. А. Розенбергу в Петроград и была получена Азиатским музеем не позднее 1930 г. (что следует из надписи на ней: 1930–№ 442)¹³.

Нельзя забывать, что жизнь и деятельность Сергея Григорьевича Елисеева в первый период его пребывания во Франции была обусловлена прежде всего его социально-политическим положением эмигранта, беженца, лица без гражданства. Несмотря на его высочайшую квалификацию как япониста и поддержку ряда коллег, он далеко не всегда мог соперничать с востоковедами французскими гражданами. Хотя С. Елисеев блестяще знал французский язык, еще с детских лет был хорошо знаком с Францией, ему не легко было стать в ней «своим». Долгих десять лет ученому пришлось ждать французского гражданства для себя и членов своей семьи. Что чувствовал он, гордый и благородный, привыкший в любой ситуации быть «первым и лучшим», как пишет его сын Вадим Сергеевич?¹⁴ Несмотря на успехи в научных исследованиях и большое число публикаций, сам Сергей Григорьевич не очень хорошо охарактеризовал тот свой парижский период. «Да, я только теперь начинаю чувствовать, как тяжела и неустойчива была моя жизнь и какие неблагоприятные условия были для научной работы» [Дьяконова, 2000. С. 194].

В этой связи приглашение в США в Институт Гарвард-Яньцзинь (Harvard Yen-ching Institute) весной 1931 г. оказалось как нельзя кстати. Именно в США С. Г. Елисеев реализовал себя как талантливый педагог и стал создателем целого научного направления – дальневосточных исследований. С. Г. Елисеев («Серж Елисеевф») вошел в мировое японоведение прежде всего как «отец американской японистики». Но это уже другая история.

Список литературы

Алексеев В. М. Русское востоковедение за границей // Восток. М.: Всемирная литература, 1923. Кн. 2.

Дьяконова Е. М. Письма С. Г. Елисеева к В. М. Алексееву. 1933–1936 // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): Материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 144–196.

Ермакова Л. М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. 272 с.

¹¹ СПб. Ф. АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 94.

¹² АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 3.

¹³ Мы склонны читать дату как 1921 г., тем более что в июле 1928 г. Елисеев пишет в письме Ф. А. Розенбергу: «Как Вы поживаете? Как себя чувствуете? Не собираетесь на с'езд в Оксфорд? А то на обратном пути заехали бы в Париж? Мы были бы очень рады Вас повидать» так, как будто они не виделись уже давно (СПб Ф. АРАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 47. Л. 1).

¹⁴ Тем не менее С. Елисеев позитивно оценивает свой парижский опыт: «Конечно, Париж дал мне неоценимые сокровища: лекции Pelliot, лекции Maspero, постоянное личное общение со всеми светилами дальневосточной науки, это все незабываемое...» [Дьяконова, 2000. С. 194].

Ким Н. П. Рец. на кн.: Elisséev S. La peinture contemporaine au Japon. P.: Boccard, 1923 // Восток. М.: Всемирная литература, 1923. Кн. 2. С. 432–433.

Решетов А. М. Выдающийся востоковед С. Г. Елисеев (1889–1975): жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 1995. Кн. 3. С. 188–197.

Хохлов А. Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): Материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 197–241.

Шарье И. Сергей Елисеев и современное японское искусство // С. Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Швеция, Вьетнам): Материалы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 92–105.

Arts musulmans, Extrême-Orient, Inde – Indochine – Insulide – Chine – Japon – Asie Centrale – Tibet. P., 1939.

Doin J. Les salons de 1922 // Gazette des Beaux-Arts. Mai 1922. P. 289–292.

Elisséev S. La langue japonaise, la langue coréenne, la langue aïnou, les langues hyperboréennes // Les langues du monde. P.: E. Champion, 1924. P. 245–272.

Elisséev S. Mythologie du Japon: I. Mythologie shintoïque; II. Mythologie bouddhique // Mythologie Asiatiques illustrée. P.: Librairie de France, 1928. P. 363–424.

Elisséev S. La peinture contemporaine au Japon. P.: E. de Boccard, 1923. 142 p.

Elisseev S. Les peintres de l'École Kano // Revue des arts asiatiques. P.: II^{me} Année, 1925a. № 4. P. 14–26.

Elisseev S. Notes sur le portrait d' Extrême-Orient // Études d'orientalisme publiées par Le Musée Guimet à la memoire de Raymonde Linossier. P., 1932. T. 1. P. 167–202.

Elisséev S. Notes sur les travaux japonais concernant les bronzes anciens de la Chine // Revue des arts asiatiques. P., 1933. T. 8, № 3. P. 187–190.

Elisséev S. Sur le paysage à l'encre de Chine du Japon // Revue des arts asiatiques. P.: II^{me} Année, 1925b. № 2. P. 30–38.

Elisseev S. The Mythology of Japan // Asiatic Mythology. L., 1932.

Elisséev S., Iacovleff A. Le Théâtre japonais (Kabuki). P.: Meynial, 1933.

Le jardin des pivoines par Nagai Kafu. Suivi de cinq récits d'écrivains japonais contemporaines traduction de Serge Elisséev. P., 1927. 149 p.

Peri N. Essai sur les gammes japonaises. P., 1934.

Список сокращений

АРАН – Архив Академии наук

СПб Ф АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук

Материал поступил в редколлегию 30.09.2011

Svetlana I. Marakhonova

THE PARIS PERIOD IN THE LIFE OF THE RUSSIAN JAPANOLOGIST SERGE ELISSEEFF

The article deals with the life and scientific activities of the japanologist Serge Elisseeff (Elisséev) in France in 1921–1934 after his flee from the Soviet Russia. The article is based on the documents found by the author in a number of archives and museums of Paris. The information from Elisseeff's relatives is also used. These archive documents give another interpretation of the first years of Elisseeff as an emigrant, they show his real position in the scientific and museum world of France, his difficulties in the new atmosphere.

Keywords: Serge Elisseeff (Elisséev), Russian emigration in France, archives, japanology.